

От не-отца первобытного племени к отцу-любовнику и эдипальному отцу

Жаклин Шаффер

(Перевод с французского: Валерия Пантелеева,
Научный редактор: О.В. Чекункова;
Translation from French: Valeria Panteleeva,
Scientific editor: O.V. Chekunkova)

Жаклин Шаффер – психоаналитик, действительный член Международной психоаналитической ассоциации (IPA), титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP), тренинг-аналитик (SPP), лауреат психоаналитической премии им. Мориса Буве (1987 г.).

Я попытаюсь перекинуть мостики между фигурами отцов, представленных нам во время конгресса, посвященного теме Отцовского, которую я хотела бы рассмотреть через призму фантазматического процесса, для того чтобы выделить основанный на вымысле аспект наших теоретических строительных лесов.

Два доклада Кристиана Делурмеля (*Christian Delourmel*) и Франсуа Вилла (*François Villa*) порой создавали перед нами образ хореографической фигуры, подобный «большому отклонению».

Прежде всего, мы можем процитировать Фрейда: «Мы можем дать волю нашим гипотезам в том случае, пока мы придерживаемся нашего критического суждения, и, если мы не будем использовать строительные леса» (*Freud, 1900, 455 стр.*). «Может показаться, что наши теории являются своего рода мифологией» (*Freud 1933b*), – пишет он Альберту Эйнштейну, вновь возвращаясь к теории влечений (*Freud, 1933a*). Позже Фрейд также будет говорить о «метапсихологической фантазматизации» (*Freud, 1937*).

Вот что говорит по этому поводу Жильбер Дяткин (*Gilbert Diatkine, 1995*): «Метапсихологический подход обладает двойственным характером по отношению к верности теории – легко согласуемое противоречие, которое помогает совмещать теорию и домыслы ценой плодородного напряжения. Это всегда подразумевает вопрос о происхождении или об онтогенезе». Он продолжает, с его обычным юмором, с предостережением не «превращать строительные леса в замок Людовика II Баварского».

Не-отец первобытной орды

Действительно ли существует отец первоначальный, первобытный?

Как нам напоминает Франсуа Вилла, отец у первобытных племен не является отцом. Это тиран, всемогущий и всеполучающий, без веры и закона, который позволяет себе удовлетворение всех своих влечений и властвует над женщинами, сыновьями и дочерьми.

Йозеф Лудин (*Josef Ludin*) рассматривает фигуру Отца как фигуру влечения, которая, по словам Фрейда, «всегда поступает по-своему», «не поддается воспитанию», постоянно движется под давлением влечений, со случайным выбором объектов, заменяемых один другим, единственной целью которой является разрядка.

Можем ли мы также сказать, что, согласно второй топике, эта фигура Оно также является вместилищем влечений к жизни и влечений к смерти?

Можем ли мы также считать этого тирана первичным бисексуальным существом, прегенитальным архаичным монстром?

«Мы все являемся носителями этого дикого отца. И действительно ли мы так цивилизованы?» – задается вопросом Ф. Вилла. На это есть знаменитый ответ: «Профессор Эйнштейн, что вы думаете о цивилизации?» – «Это была бы очень хорошая идея!»

Речь идет о конфликте, свойственном всему человечеству, отцовская функция создается под влиянием индивидуальных и коллективных процессов. Отец обретает свой смысл только постфактум (*après-coup*).

У изгнанных и перегруппированных братьев будет долгосрочная миссия по созданию семьи, образа отца и общества с категорическими запретами. Основными табу являются инцест, отцеубийство и каннибализм.

Это связано с тем, что убийство тирана будет сопровождаться каннибализмом. Первобытный каннибал в дальнейшем сам будет съеден и станет объектом бесконечного переваривания, как писал Мартин Готье (*Martin Gauthier*). Равно как и его убийство, по словам Ф. Вилла, станет объектом постоянного возвращения вытесненного, и, таким образом, будет объектом действительности, что делает его прототипом и парадигмой процесса цивилизации.

Как можно ответить на вопрос о происхождении? Где находятся истоки начала всех начал – по линии отца или матери? Должны ли мы выбирать? – спрашивает Катрин Шабер (*Catherine Chabert*).

Вивиан Шетри (*Viviane Chetrit*) цитирует Фрейда: «До сих пор только у мужчин я встречала тревогу быть сожранным, полностью поглощенным; она связана с отцом, но следует, вероятно, из трансформации оральной агрессии, направленной на мать. Мы хотим поглотить мать, которая нас кормила; отец не может являться мотивом такого желания» (Фрейд, 1931).

Ф. Вилла вводит фигуру младенца как воплощение тирана первобытного племени.

Кто, лучше чем младенец, сосущий грудь матери, может символизировать этого людоеда, ненасытного, гомосексуального, инцестуозного существа?

Каннибализм лежит в основе жизни. Винникотт говорит о ребенке, что «его пламенная любовь – это ненасытная любовь» (Винникотт, 1947). Оргия процесса кормления – это разделенный на двоих каннибалистический праздник.

Что является результатом последствия фигуры тирана первобытного племени?

Они уже проявляются у маленького ребенка в возрасте 3–4-х лет.

«Маленький каннибал», цитата Мелани Кляйн (*Mélanie Klein*), указывает на грудь матери, кормящей его младшего брата, и спрашивает ее: «Мама, ты меня этим кусала?»

Подобный недифференцированный опыт, сформированный под воздействием интроекций и взаимных идентификаций, Фрейд описывает формулой «Я есть грудь». Кто пожирает кого?

Людоед или людоедка из сказок дают нам наглядное представление, конфигурацию.

Что касается инцеста: психика маленького ребенка хранит следы этой поглощенной всемогущей фигуры, тирана. Следы, которые проявляются благодаря эффекту последствия.

«Вы знаете, кем я был раньше? – говорит 4-летний мальчик. – Я был сперматозоидом». Он уже был там, в фантазме своей инфантильной теории. Именно он занимает место отца, «того, кто обладает матерью в сексуальном смысле», по словам Фрейда, именно он оплодотворил свою мать, именно он сам себя породил. Вся первосцена держится только на нем.

Отец-любовник

Отец-любовник, далекий от образа первобытного вождя племени, – это тот, кто выбрал женщину, зачал с ней ребенка и кто поможет ей вернуться в свою постель. Я ранее уже освещала вопрос о статусе отца-любовника, сопоставляя его с «цензурой любовницы», теорией Дениз Брауншвейг (*Denise Braunschweig*) и Мишеля Фэна (*Michel Fain*) (1975), в выпуске RFP, посвященном Эдипову комплексу (Шаффер, 2012).

Можем ли мы говорить о «цензуре любовника», рассматривая «цензуру» как сглаживание границ между сознательным и предсознательным, согласно первой топике, как в системе сон/сновидение? Независимо от того, что никакая симметрия не может быть эвристической, я склоняюсь

к мысли, что заслуга отца-любовника может быть обнаружена только в регистре вытеснения.

Именно через цензуру, присущую системе сон/сновидение, через цикл сменяющих друг друга дня и ночи, мать может защитить своего ребенка от любого эротического желания: ее желание направлено на ребенка, желание любовника-отца – на нее, ее желание – на пенис отца. Мать также стремится защитить ребенка от смешения с ее сексуальными ощущениями и дать ему убежище, в котором он не почувствует ее наслаждение. Таким образом, она десексуализируется для своего ребенка и ресексуализируется для своего любовника.

С этого начинается процесс терциальности. Отец уверенно заявляет о своем желании, но его можно назвать любовником только потому, что у матери существует эротическое желание, направленное на него. Именно из-за того, что мать желает кого-то и является для другого объектом желания, благодаря цензуре она может помочь ребенку создать преформу репрезентации некоего третьего объекта, другого, того, к кому она испытывает желание, о котором можно галлюцинировать. В таком случае ребенок может чувствовать и фантазировать, что те ощущения, которые он испытывает в отсутствие матери, которые он переживает как покинутость, происходят не из-за того, что он является плохим объектом, объектом страха, ненависти или отвращения, а потому, что существует еще один объект желания матери. Именно это позволяет ему также получить доступ к системе сон/сновидение и создавать свои первые психические операции, такие как галлюцинаторное удовлетворение желания и первый аутоэротический опыт.

Таким образом закладывается прекоцепция, предварительные представления об отцовской функции. Сенсорные ощущения от присутствия реального отца активируют перцептивно-моторные следы, такие же, как создающиеся от контакта с телом матери, от ее взгляда, от кормления. Следы, которые способствуют обретению опыта получения удовлетворения и появления способности к галлюцинаторному удовлетворению желания. Именно этот процесс, объединяющий перцептивно-сенсорные следы, работа Эроса, как говорит Делурмель, способствует возникновению мнестических следов, основы для будущих репрезентаций и воспоминаний. В случае неудачи происходит формирование травмы, возвращение к галлюцинаторному состоянию этих перцептивных следов, которые так и не смогли быть преобразованы в мнестические следы.

Делурмель подчеркивает, что процесс сдерживания разрядки, обеспеченный отцовской функцией, необходим, этот процесс может разворачиваться как по отношению к матери, так и по отношению к ребенку, как способ и качество участия отца в «цензуре любовницы».

Его миссия может заключаться в том, чтобы сдерживать материнское безумие, усмирить дикое материнское, то, о чем говорила талантливая Лилиана Абенсур (*Liliane Abensour, 2011*) и к чему возвращалась

Элен Пара (*Hélène Parat, 2011*). Символическая отцовская функция позволяет отцу отделить ребенка от матери и открыть ему таким образом доступ в социальный мир.

Какова природа противоречия между отцом и любовником?

Разница между полами определяет четкий путь формирования кастрационного комплекса. У мужчин Фрейд подчеркивал наличие расщепления женщины на мать, мадонну и блудницу, расщепление, которое относится к объекту. Женское расщепление распространяется скорее на ее тело. Это расщепление между телом женщины и телом матери.

На тело женщины, особенно ее плоти, одновременно эротически воздействуют и ее любовник, и ее ребенок. У той, которая выносила ребенка в своем теле, которая создала его из своей плоти, а также которая к тому же кормит его своей грудью, сексуальное возбуждение может передаваться от тела к телу, от плоти к плоти. Это то, что требует контринвестиции с помощью цензуры любовницы, чередование плоти дня и плоти ночи, постэдипового ребенка реальности дня и галлюцинаторного прегенитального или эдипального ребенка ночи.

Это все не относится к отцу-любовнику. Если с телом его жены у него есть глубинные отношения, обусловленные глубинным взаимодействием с ее плотью, то с младенцем он соприкасается только телом, но не плотью. Ребенок навсегда останется для него лишь внешним объектом. Отец-любовник должен будет совершить трансформацию «на объект» между женщиной-матерью и женщиной-любовницей. Именно эти изменения могут иногда становиться источником конфликта как для него, так и для пары в целом.

У отца-любовника есть фундаментальная функция, которая заключается в повышении эффективности «цензуры любовницы», когда он восстанавливает эротическое желание матери ребенка и перенаправляет на себя. Если это переворачивание желания проходит успешно, оно позволяет сдерживать разрядку у ребенка, который может потом спокойно заснуть.

В данном случае можно говорить не о цензуре отца-любовника, а скорее о вытеснении по отношению к эротическому телу матери. Если это вытеснение осуществляется недостаточно эффективно, фактически мужчина будет заниматься любовью именно с матерью и сталкиваться с первичным инцестуозным фантазмом, что часто является причиной появления импотенции в виде симптома.

И все же давайте воздадим должное смелости Фрейда: «Тот, кому суждено стать по-настоящему свободным в любовной жизни, а тем самым и счастливым, обязан преодолеть уважение к женщине, приблизиться к представлениям об инцесте с матерью или сестрой» (Фрейд, 1912).

Отец эдипальный

Эдипальный отец – это противоположность тирана первобытного племени. Он не является носителем табу, которые остаются в архаичной области священного и вызывающего ужас, но он вносит основополагающие запреты эдипового комплекса. Мать, посланница кастрации, призывает его, чтобы внушить страх наказания за инцестуозные желания, тот страх, который затем будет помещен внутрь и преобразован в совесть, мораль, внутренние границы, которые образуют топику, в механизмы вытеснения, то, что будет больше всего обезличено при формировании Сверх-Я.

Убийство отца, точно также, как и отцовский принцип, имаго или инстанция, имеет отношение к репрезентациям всех психических операций (Ф. Вилла), к индексу интериоризации всех наших психических движений (Ж. Людэн). Цель состоит в том, чтобы освободиться от влияния реального отца.

Операция освобождения от материнского объекта и его имаго не имеет такого же статуса. Освобождение не требует акта убийства. Это скорее высвобождение, требующее психической трансформации – трансформации фаллической организации, переход, который необходим и для мальчика, и для девочки, а также смена объекта для двух полов. Речь идет о работе символизации, которая проходит через страх потери объекта, кастрационную тревогу и достигает в результате эдиповой организации.

Таким образом, присвоенные идентификации могут затем в дальнейшем стать основой для выстраивания субъективности и психической бисексуальности, которая гарантирует принятие разницы полов и поколений.

Вот та часть, которую я бы хотела добавить к строительным лесам.

Jacqueline Schaffer, psychoanalyst, full-time member of the International Psychoanalytic Association (IPA), titular member of the Paris Psychoanalytic Society (SPP), training analyst of SPP, winner of the Maurice Bouve Psychoanalytic Prize (1987).